

Та картина была нарисована им, но прославляла она светлого юношу, сидящего в комнате.

Мужун Цинь, вероятно, именно в этот момент влюбился в Ся Юя, и его чувства были глубокими и искренними.

Позже Бай Цинцзю не стал дорабатывать эту незавершённую картину. Спустя долгое время она по неизвестным причинам оказалась в доме Мужун Циня, где и висела на стене.

На картине был изображён одинокий мальчик, сидящий на краю утёса и созерцающий полумесяц в ночном небе.

Мужун Цинь не скрывал своих чувств и вскоре открыто признался в любви Ся Юю, прямо перед Бай Цинцзю.

— Ся Юй, в этом мире только ты можешь идти со мной рука об руку.

Мужун Цинь подарил дорогой символ любви — чёрные часы. Бай Цинцзю, словно невидимка, смотрел на Мужун Циня, но в его глазах был только Ся Юй.

Такую сцену Бай Цинцзю не хотел бы пережить во второй раз.

Ся Юй вернул часы обратно и твёрдо заявил:

— Сегодня выходной, я собираюсь домой с братом, и меня больше ничего не интересует.

Бай Цинцзю потер нос, почувствовав странную горечь:

— Продолжайте разговаривать, я пойду.

Ся Юй схватил его за запястье:

— Брат, мы же договорились идти вместе, почему ты хочешь оставить меня?

— Но... у вас есть важные дела, я подожду тебя на перекрёстке.

— Ничего важного, домой поесть важнее.

Бай Цинцзю считал, что Ся Юй всё ещё ребёнок или, возможно, ему нравятся только девушки, и он не может принять любовь мужчины.

Бай Цинцзю с горячей головой сказал Мужун Циню:

— Простите.

Мужун Цинь бросил на него резкий взгляд, словно обвиняя в том, что он испортил всё дело, и, швырнув дорогие часы в мусорное ведро, развернулся и ушёл.

После этого Бай Цинцзю стал свидетелем множества попыток Мужун Циня завоевать расположение Ся Юя. Такой гордый человек перед лицом своей любви был открыт и пылок, что вызывало зависть.

Пять лет, проведённых рядом с ним, каждый раз, вспоминая эти сцены, Бай Цинцзю словно наказывал себя.

...

Бай Цинцзю думал, что умер, но в глубокой тьме услышал стук своего сердца. Картины прошлого одна за другой всплывали в его сознании, и он осознал, что всё ещё в сознании, что было совершенно невероятно.

Бай Цинцзю открыл тяжёлые веки. Мир постепенно становился светлее, и даже окружающие звуки становились яснее.

— Брат, брат! Ты очнулся! Слава богу, ты меня чуть не убил.

Ся Юй схватил его за руку, в его глазах сверкали звёзды. Когда он успел постричь волосы так коротко, словно вернулся к тому ловкому и свежему парню из студенческих лет?

Бай Цинцзю был в полном замешательстве. Авиакатастрофа — выжить было невозможно, тем более без кислородной маски.

Ся Юй с виной в голосе сказал:

— Брат, почему ты не сказал мне о болезни отца? Ты оставил меня одного учиться за границей, как я мог спокойно учиться? Брат, я не уеду, я останусь здесь с тобой, мы будем справляться со всем вместе.

Бай Цинцзю потер голову и растерянно спросил:

— Я... что со мной?

— Ты, чтобы собрать деньги на лечение отца, упал в обморок, продавая картины на улице. Это Мужун... добрый человек доставил тебя в больницу.

Болезнь отца, учёба Ся Юя за границей, продажа картин для лечения — всё это было пять лет назад. Как это могло так явно появиться перед глазами?

Бай Цинцзю крепко схватил его руку:

— Ся Юй, какое сейчас время?

— Мы... мы только что закончили учёбу, ты разве не помнишь? — Ся Юй в панике заговорил:

— Брат, я... я позову врача, ты не уходи, жди меня.

Бай Цинцзю сел. Тело было в порядке, только голова немного кружилась.

Затем вошёл Шэнь Чжо с бейджем интерна больницы. Он приложил руку ко лбу Бай Цинцзю:

— Всё в порядке, температура спала, просто отдохни.

Бай Цинцзю схватил его за руку и снова спросил:

— А Чжо, какое сейчас время?

Шэнь Чжо с гордостью указал на свой бейдж:

— Твой брат успешно поступил в городскую больницу высшей категории.

Бай Цинцзю покачал головой:

— Это невозможно.

— Эй, ты мне не веришь? Я стану отличным хирургом, и Мо Яньчэнь будет бегать за мной, а я даже не соглашусь.

— Мо Яньчэнь, он со мной... он капитан...

Шэнь Чжо нахмурился:

— Откуда ты знаешь, что он пошёл учиться на пилота? Он рассказал об этом только мне.

Бай Цинцзю закрыл лицо руками, не решаясь вспомнить, что в самолёте было столько людей, все они...

Шэнь Чжо похлопал его по плечу:

— Цзюцзю, я знаю, что ты переживаешь из-за болезни дяди Бай, но не волнуйся. Я в больнице, обязательно найду способ вылечить его. О, кстати, тебя подобрал Мужун Цинь. Ты не видел, как он нёс тебя — он был так напряжён. Хех, скоро станешь богатой женой.

Бай Цинцзю резко вскочил. Договор о содержании, подписанный пять лет назад, начался именно с этого момента. Как он мог это забыть?

Тогда отец внезапно тяжело заболел. Бай Цинцзю потратил все семейные деньги, но этого не хватало. Он не мог беспокоить Ся Юя, который учился за границей, и был вынужден искать выход самостоятельно.

Бай Цинцзю сидел на улице, дни и ночи рисовал и продавал картины — это был самый быстрый способ заработать деньги. Голодный, он не мог себе позволить поесть; уставший — не мог уснуть.

Пока однажды машина Мужун Циня не остановилась перед ним. Холодный мужчина с высоты своего роста посмотрел на него:

— Все твои картины я покупаю.

Бай Цинцзю, с врождённой гордостью бедняка, ответил:

— Спасибо, мне не нужна ваша милостыня.

Мужун Цинь прищурился, постучал по его мольберту:

— Ты думаешь, что так сможешь собрать деньги на лечение отца?

— Возможно, не хватит, но я не сдамся.

Мужун Цинь поднял подбородок, с презрением в глазах:

— Ты знаешь, в чём разница между тобой и Ся Юем?

Бай Цинцзю сжал кисть:

— Он лучше меня, он достоин большего.

— Нет, он умнее тебя. Он знает, когда нужно бороться, а когда сдаться. А ты глуп как свинья.

Мужун Цинь, вероятно, использовал самые худшие слова для описания его: никчёмный, раздражающий, глупый...

Бай Цинцзю стиснул зубы, и когда он хотел что-то возразить, вдруг его разум погрузился в пустоту, а тело потеряло равновесие.

Когда он очнулся, перед ним лежал договор о содержании, подписанный Мужун Цинем.

Бай Цинцзю сбросил одеяло и, шатаясь, выбежал из комнаты. Ся Юй и Шэнь Чжо были в шоке, не ожидая, что больной может бежать так быстро.

Бай Цинцзю искал отца, заглядывая в каждую палату. Пять лет назад, подписав договор, он отправил отца на лечение за границу и не успел с ним попрощаться. Когда отец вернулся, хотя и вылечился, он сильно постарел.

Да, это была палата номер семнадцать. Бай Цинцзю вспомнил этот номер, остановился у двери, перевёл дыхание и уже хотел войти, как из неё вышел Мужун Цинь.

Бай Цинцзю инстинктивно отступил на шаг. Мужун Цинь пятилетней давности — с острыми чертами лица, гордый и решительный — внушал леденящий страх.

Почему он вышел отсюда? Что он сказал отцу? Бай Цинцзю почувствовал ком в горле и не мог вымолвить ни слова.

Мужун Цинь закрыл дверь палаты, подошёл к нему и схватил за руку:

— Кто разрешил тебе бродить где попало? Возвращайся.

— Я... я хочу увидеть моего отца.

— Он отдыхает.

Взгляд Бай Цинцзю метался. Он не мог смотреть прямо на Мужун Циня — холодного и даже ненавидящего его.

Если смерть пять лет спустя заставила Бай Цинцзю осознать, что Мужун Цинь хоть немного заботится о нём...

Но сейчас всё вернулось к началу. Мужун Цинь всё ещё не любил его, а тот, кого он любил, вернулся из-за границы.

Возможно... даже эта часть с содержанием не произойдёт.

Бай Цинцзю прикусил губу. Ладонь слегка коснулась плоского живота. Ничего не было. Он переродился в теле Бай Цинцзю пятилетней давности, и ребёнок исчез навсегда.

Бай Цинцзю хотел плакать. Никто не понимал, что с ним произошло. Это чувство безысходности и одиночества, словно весь мир стал чужим.

Бай Цинцзю всхлипнул, попытался отстраниться, но Мужун Цинь резко остановил его.

[Удалён фрагмент китайского текста: "Перца, Чжэн, Гранатовый, Ду, Зрюнь, Зхуа, Чжэн, Цзюэ"]

<http://bllate.org/book/16396/1484953>